

КЪ СТОЛѢТІЮ СО СМЕРТИ КАНТА (1804—1904).

(Продолженіе).

Кромѣ Грина, какъ уже упоминалось, у Канта много было и другихъ друзей разныхъ возрастовъ и положеній. Ко всѣмъ имъ онъ относился очень участливо и интересовался малѣйшими подробностями ихъ жизни, не говоря уже о болѣе важныхъ событіяхъ и случаяхъ. Когда Мотерби, сдѣлавшійся по смерти Грина самымъ близкимъ къ Канту чело-вѣкомъ, заболѣлъ и лежалъ при смерти, Кантъ былъ этимъ страшно разстроены. Яхманъ долженъ былъ два раза въ день подробно сообщать ему о положеніи больного и о мнѣніяхъ врачей. Когда, наконецъ, незадолго до смерти пришлось сказать ему, что нѣтъ болѣе никакой надежды, Кантъ въ горѣ воскликнулъ: „неужели суждено мнѣ всѣхъ моихъ старыхъ друзей видѣть раньше меня сходящими въ гробъ“! Подобное-же участливое отношеніе проявилъ онъ и къ болѣзни брата Яхмана, и къ смерти Руфмана. Изъ профессоровъ Кантъ былъ очень друженъ съ Краузомъ (SS. 58—59). Въ отношеніи къ своимъ болѣе молодымъ друзьямъ онъ всегда проявлялъ большую предупредительность, охотно и много говорилъ объ ихъ заслугахъ и достоинствахъ,—черта, въ пожитомъ и притомъ знаменитомъ чело-вѣкѣ весьма привлекательная. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эти молодые друзья философа оказывались людьми не особенно далекими, онъ всемѣрно старался помочь имъ, поддержать ихъ и такъ или иначе вывести на дорогу. Такъ, одинъ юноша пріобрѣлъ себѣ особенную его любовь. Кантъ много занимался съ нимъ на своихъ репетиціяхъ, приглашалъ его къ себѣ, далъ позво-

леніе спрашивать себя о всѣхъ трудныхъ философскихъ предметахъ, наконецъ, приблизилъ его къ себѣ настолько, что ввелъ въ кругъ самыхъ близкихъ своихъ друзей и вообще имѣлъ о немъ совершенно отеческое попеченіе. Впослѣдствіи онъ рекомендовалъ его одному начальнику полка на освободившееся мѣсто полкового проповѣдника. Чтобы получить это мѣсто, протеже его долженъ былъ сказать пробную проповѣдь. Кантъ, узнавъ какимъ-то образомъ заранее текстъ, предположенный для пробной проповѣди, пригласилъ къ себѣ своего кандидата и тонко навелъ разговоръ на тему текста, развивши по этому поводу рядъ мыслей, которыми потомъ молодой человѣкъ и могъ воспользоваться при своей проповѣди. Въ самый день проповѣди онъ послалъ другого своего друга послушать ее и потомъ сообщить ему о произведенномъ ею впечатлѣніи. Этому-же молодому человѣку во время его студенчества Кантъ выхлопоталъ у университетскаго сената стипендію. Въ день, когда онъ узналъ объ успѣхѣ своихъ хлопотъ, онъ былъ такъ радъ, что предложилъ своимъ сотрапезникамъ распить за здоровье своего протеже даже бутылку шампанскаго. И потомъ въ дальнѣйшей его жизненной карьерѣ Кантъ оказывалъ ему весьма существенную поддержку (SS. 60—62). Не прочь онъ былъ помогать своимъ друзьямъ и деньгами. Напр., брату Яхмана настойчиво предлагалъ 500 талеровъ на путешествіе съ научною цѣлью и былъ очень недоволенъ, что послѣдній не воспользовался этимъ предложеніемъ, хотя и былъ человѣкъ бѣдный (S. 62). Но онъ отнюдь не былъ навязчивъ въ отношеніи къ своимъ друзьямъ. Совѣты онъ давалъ обыкновенно очень деликатно, а свои труды и старанія въ пользу ихъ старался скрывать.

Сообщая о сердечныхъ привязанностяхъ и дружескихъ отношеніяхъ Канта, Яхманъ находитъ здѣсь вполне умѣстнымъ коснуться и другого весьма близкаго вопроса,—какъ относился Кантъ къ *женщинамъ*, и играла-ли какую-нибудь роль въ его жизни *любовь*. Онъ „почти съ полной достовѣрностью рѣшается утверждать, что Кантъ въ своей юности любилъ“ (S. 64). „Но, прибавляетъ онъ, я не могу сказать, осталась-ли его первая любовь безъ взаимности, или его тѣлесное сложеніе и рѣшительная склонность къ метафизическимъ спекуляціямъ и научнымъ занятіямъ побудили

его отказаться отъ брака“ (S. 65). Будучи уже въ зрѣломъ возрастѣ, Кантъ часто давалъ своимъ неженатымъ друзьямъ совѣтъ жениться, при чемъ давалъ даже указанія насчетъ выбора жены; нельзя, впрочемъ, сказать,—прибавимъ мы отъ себя,—чтобы эти указанія были достойны его великаго ума. Не прочь онъ былъ и сватать своимъ друзьямъ тѣхъ или иныхъ Кенигсбергскихъ невѣстъ и оставался прямо недоволенъ, когда его совѣты оказывались ненужными или не принимались (SS. 65—67). Самъ онъ до старости оставался неравнодушенъ къ женской красотѣ. Ему даже въ 70-лѣтнемъ возрастѣ чрезвычайно нравилась миссъ А., съ которой онъ встрѣчался въ домѣ своего друга Мотерби; и онъ за обѣдомъ всегда старался сѣсть такъ, чтобы она сидѣла рядомъ съ нимъ и притомъ—со стороны его здороваго глаза (другимъ глазомъ К. плохо видѣлъ) (S. 67).

Девятое письмо характеризуетъ отношеніе Канта къ *своимъ роднымъ*. Отношенія эти и при жизни Канта, и по смерти его подвергались нѣкоторымъ пересудамъ и даже нареканіямъ. Яхманъ старается защитить память своего учителя и друга и,—надо отдать ему справедливость,—дѣлаетъ это довольно объективно, т. е. не скрывая однихъ фактовъ и не преувеличивая значеніе другихъ, а просто лишь устанавливая ту психологическую, этическую и житейскую перспективу, въ какой надо разсматривать и понимать эти факты. Прежде всего, что касается отношенія Канта къ своей *матери*, то оно не только было совершенно безупречно, но и производило на всѣхъ очень трогательное впечатлѣніе. Кантъ лишился матери, когда ему было 13 лѣтъ. Такимъ образомъ, подъ ея вліяніемъ прошло его дѣтство и часть отрочества. Вліяніе это было такъ глубоко, что онъ до конца дней своихъ сохранилъ самое благоговѣйное воспоминаніе о ней и нѣжную любовь къ ней. „Моя мать,—такъ часто любилъ говорить Кантъ,—была любящая, чувствительная, благочестивая и правдивая женщина и нѣжная мать, которая благочестивыми наставленіями и добродѣтельнымъ примѣромъ воспитывала своихъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ. Она часто выводила меня за городъ, обращала мое вниманіе на дѣла рукъ Божіихъ, изливалась въ благочестивомъ восторгѣ по поводу Его всемогущества, премудрости и благодати и внѣдряла въ мое сердце глубокое благоговѣніе предъ Творцомъ

всѣхъ вещей. И никогда не забуду моей матери, потому что она насадила и воспитала во мнѣ первыя сѣмена добра, она открыла мое сердце впечатлѣніямъ природы, она пробуждала и расширяла мои понятія, и ея наставленія имѣли никогда не прекращавшееся благотворное вліяніе на мою жизнь“. Всякій разъ, когда Кантъ говорилъ о своей матери, онъ бывалъ сердечно растроганъ, глаза его блестѣли, и каждое слово выражало глубокую сыновнюю и сердечную преданность (SS. 67—69).

Иное отношеніе было къ *сестрамъ* и *брату*, и это-то, по видимому, и служило главнымъ источникомъ пересудовъ относительно нашего философа. „О своихъ сестрахъ и братѣ, говоритъ Яхманъ, Кантъ упоминалъ рѣдко и имѣлъ мало къ тому поводовъ. Братъ его, по окончаніи университетскаго курса, жилъ вдали отъ него¹⁾ и ограниченный кругъ его дѣятельности въ качествѣ сельскаго пастора не давалъ Канту повода упоминать о немъ. То-же самое имѣло мѣсто и относительно сестеръ, которыя сначала жили въ прислугахъ, а потомъ повышли замужъ за мастеровыхъ. Кантъ уже изъ одной скромности не сталъ-бы заводить съ своими друзьями и гостями разговоровъ о своихъ родственникахъ. Съ братомъ своимъ онъ, впрочемъ, поддерживалъ переписку, и нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ его (Канта) братскихъ чувствахъ“. Любопытно, что, какъ однажды оказалось, онъ цѣлыхъ 25 лѣтъ не видѣлся съ своими сестрами, хотя и жилъ въ одномъ городѣ съ ними. „Я объясняю это замѣчательное явленіе тѣмъ, говоритъ Яхманъ, что его духъ и его научныя занятія исторгли его изъ сферы его семьи, а еще болѣе тѣмъ, что онъ въ то время жилъ въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, что не только не могъ оказать какой-либо матеріальной поддержки своимъ сестрамъ,—которыя однако, по видимому, рассчитывали на нее въ виду высокаго положенія брата,—но долженъ былъ даже самъ бояться, какъ-бы не стать имъ въ тягость. Кто сумѣетъ поставить себя на мѣсто этого великаго человѣка и разобраться въ оттѣнкахъ его чувствъ, тотъ найдетъ, что такое его поведеніе скорѣе надо объяснить въ похвальному для него смыслѣ. Что, во всякомъ случаѣ, основаніемъ для него от-

¹⁾ Въ Курляндіи (ср. *Borowski*, S. 277—278).

нюдь не было глупое тщеславіе, это непререкаемо видно изъ того, что въ позднѣйшіе годы, когда Кантъ пользовался громкой славой и занималъ выдающееся положеніе въ городѣ, онъ отнюдь не стыдился своихъ родныхъ, поддерживалъ съ ними общеніе и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе заботился о нихъ. Между тѣмъ сестры его еще и въ первые годы его профессорства обнаруживали гораздо бѣльшія притязанія на его поддержку, чѣмъ дѣйствительно отъ него получали, и выражали по этому поводу жалобы. Но тогда Кантъ, примѣнительно къ своему положенію, имѣлъ не больше, а можетъ быть, даже меньше, чѣмъ онѣ сами. Но и тогда, когда онъ уже получилъ возможность дѣлать для нихъ больше, въ его планы отнюдь не входило—давать возможность (посредствомъ богатыхъ подарковъ) своимъ роднымъ жить шире, чѣмъ другіе средне-зажиточные люди ихъ сословія, къ чему особы низшихъ сословія, имѣющія богатыхъ родственниковъ, вообще очень склонны. Кантъ давалъ, сколько могъ и сколько находилъ нужнымъ, сообразно съ обстоятельствами. Онъ объявилъ своимъ роднымъ, что въ случаѣ болѣзни или нужды онъ никогда имъ не откажетъ въ своей помощи, и искренно исполнилъ это обѣщаніе. Мнѣ извѣстно, что онъ выдавалъ своимъ племянницамъ при выходѣ ихъ замужъ по 100 талеровъ на первоначальное обзаведеніе. Въ случаяхъ болѣзни кого-либо изъ родныхъ, онъ поручалъ моему брату, какъ врачу, навѣщать и лѣчить ихъ. Наконецъ, все имъ нажитое, все его имущество, послѣ его смерти перешло къ нимъ въ собственность. Онъ отказалъ имъ по духовному завѣщанію все свое состояніе“ (SS. 69 — 72). На ряду съ этими соображеніями, не лишено значенія и указаніе на стремленіе Канта къ матеріальной независимости, гарантировавшей ему до извѣстной степени независимость моральную. Напримѣръ, въ 1794 г. ему угрожало,—вслѣдствіе столкновенія съ Прусской цензурой,—лишеніе жалованья. Благодаря нѣкоторымъ своимъ сбереженіямъ, Кантъ могъ безъ особеннаго страха глядѣть въ глаза этой опасности. А безъ этихъ сбереженій,—если-бы онъ *всѣ* излишки своихъ средствъ немедленно раздавалъ роднымъ,—ему, можетъ быть, пришлось-бы быть болѣе покорнымъ (Ср. стр. 72) ¹⁾.

¹⁾ Считаемо, впрочемъ, нужнымъ прибавить, что въ этомъ столкновеніи съ цензурой Кантъ, по нашему мнѣнію, проявилъ меньше мужества

Любопытныя черты относительно *эстетических* вкусовъ и возрѣній Канта сообщаетъ десятое письмо. Изъ искусствъ наибольшее удовольствіе доставляли ему поэзія и ораторское искусство. Онъ даже самъ пробовалъ свои силы въ сочиненіи стиховъ, которые, по словамъ Яхмана, отличались обиліемъ мыслей и силою выраженія. Внѣшней формѣ стиха онъ придавалъ большое значеніе и терпѣть не могъ не рифмованныхъ (бѣлыхъ) стиховъ, называя ихъ „сумасшедшей прозой“ (S. 73). Увѣреніе Яхмана, будто К. очень любилъ слушать проповѣди (S. 74), противорѣчитъ противоположному сообщенію Боровскаго (S. 249). Меньше всего онъ любилъ музыку, хотя концерты знаменитыхъ музыкантовъ всетаки посѣщалъ. Самъ не игралъ ни на какомъ инструментѣ (S. 74). Въ отношеніи къ одеждѣ онъ былъ очень внимателенъ. „Лучше до глупости слѣдовать модѣ, чѣмъ быть одѣтымъ не по модѣ“, часто говорилъ онъ. Но, слѣдуя существовавшимъ модамъ, онъ въ возможныхъ предѣлахъ проявлялъ не мало и личнаго вкуса (S. 75). Въ живописи онъ былъ поклонникъ полной естественности. Это требованіе онъ переносилъ и на собственные портреты. Особенно онъ былъ недоволенъ, даже прямо золъ, на одинъ гравированный портретъ, на которомъ художникъ,—еврей,—по мнѣнію Канта, „придалъ ему свои собственныя національныя черты“, т. е. изобразилъ его съ еврейскимъ типомъ (SS. 76—77).

Одиннадцатое письмо касается *религиозныхъ* взглядовъ и настроенія Канта. Относительно этого предмета многіе выра-

и чувства собственного достоинства, чѣмъ-бы слѣдовало отъ него ожидать. Какъ извѣстно, на королевскій указъ, упрекавшій его въ „искаженіи нѣкоторыхъ главныхъ и основныхъ ученій св. писанія и христіанства“ и требовавшій отъ него содѣйствія „отечественнымъ стремленіямъ“, онъ отвѣчалъ подпиской,—что „какъ вѣрнѣйшій подданный его величества“ (К. разумѣлъ здѣсь именно Фридриха Вильгельма II), онъ обязывается впредь ничего не читать и не писать о религіи. Отъ творца такой ригористической этики, какова Кантовская, можно-бы было ожидать скорѣе демонстративнаго ухода со службы, нежели такой смиренной и, притомъ, неискренней покорности. Это было-бы громаднымъ нравственнымъ ударомъ для правительства. Но мало этого, давая такую подписку, Кантъ не безъ доли, можно сказать, іезуитскаго разчета упомянулъ о своемъ „вѣрнопопданствѣ“ Фридриху Вильгельму II. Со смертію этого короля, онъ уже переставалъ быть его вѣрнопопданнымъ и считалъ себя свободнымъ отъ своего обѣщанія, каковой свободой и не преминулъ воспользоваться.

жали Яхману желаніе ближе и точнѣе знать истинныя взгляды Канта. Яхманъ энергично протестуетъ противъ такого желанія, поскольку въ немъ скрыта тенденція простымъ примѣромъ великаго человѣка оправдать свои собственныя религіозныя мнѣнія. Эта тенденція противорѣчитъ всему духу Кантовой философіи и самымъ основнымъ его убѣжденіямъ, по которымъ вѣра есть плодъ личнаго нравственнаго опыта, а не должна быть внушаема авторитетомъ. Поскольку же въ такомъ желаніи скрыто подозрѣніе, будто интимныя убѣжденія Канта могли быть иными, чѣмъ раскрытыя въ его сочиненіяхъ, постольку оно прямо оскорбительно для памяти такого правдиваго человѣка, какимъ былъ Кантъ (SS. 77—78). Тѣмъ не менѣе, онъ даетъ всетаки нѣсколько своихъ наблюденій надъ свойствами Кантовой религіозности. Кантъ былъ глубоко проникнутъ вѣрой въ Высочайшее Существо и нравственное міроуправленіе (нр. міропорядокъ). И хотя онъ настойчиво заявлялъ, что не болѣе всякаго другого человѣка въ состояніи понять непонятное и познать непознаваемое, и что вѣра въ Бога основывается не на разумной очевидности, а на предписываемомъ намъ разумомъ стремленіи къ святости,—слѣдовательно, на субъективномъ основаніи,—тѣмъ не менѣе, онъ отъ всего сердца былъ убѣжденъ, что міръ управляется премудрымъ Промысломъ (S. 79). Какъ существенную черту Кантовой религіозности, Яхманъ отмѣчаетъ полнѣйшее отсутствіе въ ней какого-бы то ни было мистицизма. Если еще въ дѣтствѣ и юности пѣтистическое воспитаніе могло заложить въ его душу нѣкоторые элементы мистицизма, то внослѣдствіи отъ нихъ не осталось и слѣда. „Онъ при всякой возможности заявлялъ, что всякая склонность къ мистической мечтательности есть слѣдствіе и признакъ извѣстной слабости ума“ (SS. 80—81). Отрицаніе Кантомъ всякихъ внѣшнихъ и чувственныхъ религіозныхъ обрядовъ служить, по мнѣнію Яхмана, еще большимъ доказательствомъ, что его религіозность не имѣла въ себѣ ничего мистическаго. Посѣщалъ-ли онъ въ свои молодые годы церковь съ цѣлью религіознаго назиданія, это біографу осталось неизвѣстнымъ; но въ своемъ зрѣломъ возрастѣ онъ уже не нуждался болѣе ни въ какихъ внѣшнихъ средствахъ для оживленія своего нравственнаго настроенія (SS. 81—82). Очень любопытный случай

разсказываетъ здѣсь Яхманъ для характеристики Кантовой вѣры въ загробное безсмертіе. Когда однажды зашелъ разговоръ объ этомъ, то Кантъ поставилъ такой вопросъ: „что долженъ-бы выбрать разумный чѣловѣкъ, при полной осмотрительности и по зрѣломъ размышленіи, если-бы ему предъ его кончиной явился ангелъ съ неба, облеченный всякою властью относительно его будущей судьбы, и предложилъ бы ему сдѣлать безповоротный выборъ, — существовать ли вѣчно, или послѣ своей земной кончины совершенно уничтожиться?“ Самъ Кантъ былъ того мнѣнія, что было-бы въ высшей степени рискованнымъ рѣшиться на совершенно незнакомое и однакожъ имѣющее длиться вѣчно состояніе;— добровольно подвергнуться неизвѣстной судьбѣ, которая, не смотря на возможное раскаяніе въ сдѣланномъ выборѣ, не смотря на возможное пресыщеніе безконечнымъ однообразиемъ и страстное желаніе переменъ, однакожъ останется неизмѣнной и вѣчной (SS. 82 — 83). Этотъ случай показываетъ, что у Канта убѣжденіе въ безсмертіи души отнюдь не было лишь выраженіемъ его желаній,—по принципу *quae volumus, ea libenter credimus*,—а дѣйствительно философскимъ (теоретическимъ) выводомъ изъ разсмотрѣнія условій нравственной дѣятельности.

Двѣнадцатое письмо знакомитъ насъ съ политическими мнѣніями, вкусами и интересами Кенигсбергскаго мудреца. „Кантъ, говоритъ Яхманъ, со времени французской революціи ничѣмъ, можетъ быть, такъ не возбуждалъ къ себѣ вниманія во всемъ мірѣ и ничѣмъ не пріобрѣлъ себѣ столько друзей и враговъ, какъ своими политическими идеями и принципами“ (S. 85). Конечно, послѣдніе извѣстны всѣмъ, читавшимъ его сочиненія—ученіе о правѣ и трактатъ о вѣчномъ мирѣ; но въ конкретныхъ иллюстраціяхъ они всетаки выступаютъ предъ нами гораздо рельефнѣе и весьма характерны собственно для личности Канта. Поэтому очень жаль, что Яхманъ, не смотря на сознаваемую имъ важность подобныхъ сообщеній, даетъ ихъ всетаки очень мало ¹⁾. Извѣстно, какъ близко совпадаютъ съ собственными политическими взглядами Канта провозглашенныя французской Революціей

¹⁾ Этотъ недостатокъ, впрочемъ, пополняется отчасти Боровскимъ и Васьянскимъ, съ воспоминаніями которыхъ мы познакоимся послѣ.

идеи: свободы, братства и равенства. Легко поэтому понять, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ онъ долженъ былъ слѣдить за предпринятою великимъ цивилизованнымъ народомъ попыткой провести эти принципы въ жизнь. Пользуясь всѣмъ своимъ знаніемъ людей и всею своею проницательностью, онъ страстно стремился, опережая событія, угадать, какіе плоды принесетъ та или иная затѣя революціоннаго правительства, въ какой мѣрѣ она приближаетъ человѣчество къ идеальной государственной организаціи и къ идеальному гражданскому строю или отдаляетъ отъ нихъ. Въ это время самыми любимыми его разговорами сдѣлались разговоры о политикѣ, при чемъ онъ не боялся пускаться въ самыя смѣлыя предсказанія, нерѣдко однако оправдывавшіяся и на дѣлѣ. Къ чтенію газетъ онъ въ это время сталъ проявлять такую жадность, что нерѣдко выходилъ за милю отъ города навстрѣчу почтѣ, чтобы только поскорѣе получить газету; и ничѣмъ его нельзя было такъ обрадовать, какъ сообщивши какую-либо частнымъ путемъ узнанную политическую новость. Въ французской революціи онъ видѣлъ своего рода политическій экспериментъ, — попытку осуществить свойственную разуму идею совершеннѣйшаго государственнаго устройства; и на ходъ событій революціонной исторіи онъ смотрѣлъ съ такимъ-же удовольствіемъ и интересомъ, съ какимъ естествоиспытатель смотритъ на экспериментъ, подтверждающій извѣстную важную для него гипотезу (SS. 88—89).

Много живыхъ и весьма интересныхъ подробностей даетъ 13-ое письмо, характеризующее Канта, какъ члена Кенигсбергскаго общества, какъ *свѣтскаго чловѣка*. Всѣ знавшіе Канта единогласно свидѣтельствуютъ, что самымъ замѣчательнымъ въ личности этого философа было его умѣнье держать себя въ обществѣ. Особенно пріятно поражались этимъ умѣньемъ пріѣзжіе люди, которые, познакомившись съ его глубокомысленными сочиненіями, представляли себѣ автора этихъ трудовъ мрачнымъ, замкнувшимся въ себѣ самомъ и равнодушнымъ ко всему міру мыслителемъ, а на самомъ дѣлѣ вдругъ встрѣчали веселаго и разносторонне образованнаго свѣтскаго чловѣка. „Кантъ былъ въ этомъ отношеніи, — прибавляетъ Яхманъ, — дѣйствительно рѣдкимъ чловѣкомъ: онъ самымъ счастливымъ образомъ соединялъ

въ себѣ два, обыкновенно не встрѣчающіяся вмѣстѣ, свойства—глубокую ученость и тонкій свѣтскій лоскъ. Какъ свои знанія онъ не черпалъ только изъ книгъ, такъ точно и жилъ онъ отнюдь не для одного книжнаго міра. Сама жизнь была его школой, и для жизни-же онъ пользовался своими знаніями; онъ былъ свѣтскимъ мудрецомъ“. „Будучи, какъ критическій философъ, доступенъ лишь немногимъ посвященнымъ, онъ, какъ философскій представитель жизненной мудрости, собиралъ вокругъ себя самыхъ разнородныхъ людей и для всѣхъ нихъ былъ интересенъ и полезенъ. Кто знаетъ Канта только по его сочиненіямъ и лекціямъ, тотъ знаетъ его лишь наполовину“ (SS. 91—92).

Обращаясь къ частнымъ примѣрамъ, характеризующимъ съ этой стороны Канта, Яхманъ прежде всего отмѣчаетъ замѣчательное умѣнье вести интересный разговоръ о всевозможныхъ предметахъ. „Кантъ обладалъ, говоритъ онъ, большимъ искусствомъ обо всемъ на свѣтѣ говорить интересно. Его всеобъемлющая ученость, простиравшаяся даже и на мельчайшіе предметы обыденной жизни, давала ему весьма обильный матеріалъ для разговора. Его оригинальный умъ, все разсматривавшій съ своей собственной точки зрѣнія, придавалъ этому матеріалу новую, своеобразную форму. Не было такого предмета въ житейскомъ обиходѣ, о которомъ Канту не приходилось-бы говорить; и въ его устахъ всякій даже самый обыкновенный предметъ пріобрѣталъ интересный видъ“ (S. 92). Кантъ былъ въ высшей степени общителенъ и съ каждымъ въ обществѣ находилъ о чемъ поговорить. Съ дамами онъ говорилъ объ ихъ женскихъ занятіяхъ съ такимъ-же знаніемъ дѣла и съ такою-же пріятностью, съ какими въ обществѣ ученыхъ разсуждалъ о научныхъ предметахъ. Въ его обществѣ разговоръ никогда не прекращался (S. 93). Въ большомъ обществѣ, даже среди ученыхъ, онъ обыкновенно избѣгалъ разговоръ о своихъ научныхъ занятіяхъ; менѣе всего можно было услышать отъ него что-либо о его философіи или его сочиненіяхъ (*ibid.*). Всякій разговоръ въ обществѣ, по его убѣжденію, долженъ былъ быть прежде всего пріятенъ, доставлять удовольствіе. Самъ онъ въ своихъ разговорахъ, особенно за столомъ, былъ неисчерпаемъ. Если общество, по числу собравшихся, не превосходило числа музъ, такъ что разговоръ могъ быть об-

щимъ, то Кантъ обыкновенно получалъ въ этомъ разговорѣ руководящую роль. Но онъ при этомъ отнюдь не изображалъ изъ себя профессора, читающаго лекцію, а старался привлечь къ бесѣдѣ все общество. Возраженія и сомнѣнія оживляли разговоръ. И только упорнаго и постоянного противорѣчія, равно какъ и бессмысленнаго поддакиванья онъ не выносилъ. Разговоръ его частію принималъ форму спора, частію велся въ повѣствовательной формѣ, а иногда онъ просто дѣлился съ присутствующими своею опытностью и наблюденіями. При этомъ, — если разговоръ уклонялся отъ своей первоначальной темы, — Кантъ очень любилъ, когда кто-либо изъ присутствующихъ замѣчалъ это и старался возстановить нить разсужденій. Свою рѣчь онъ любилъ оживлять анекдотами, рассказывать которые былъ мастеръ“ ss. 94—95). Только со времени французской революціи, прибавляетъ Яхманъ, разговоръ Канта много потерялъ въ своей содержательности и въ своемъ разнообразіи. Нашъ мудрецъ почти утратилъ способность говорить о чемъ-либо, кромѣ этого великаго политическаго событія“ (S. 96). Подъ старость-же онъ сталъ повторяться и вообще сдѣлался довольно скученъ (S. 97).

Кантъ отличался не только умѣньемъ поговорить, но и вообще пріятно держать себя въ обществѣ. Къ дамамъ онъ былъ всегда очень любезенъ и предупредителенъ, но безъ всякой аффектаціи. Онъ очень охотно вращался въ обществѣ образованныхъ дамъ, которыя, въ свою очередь, видимо, его очень цѣнили (S. 97). На него самого приличная виѣшность и хорошій тонъ, встрѣчаемые въ обществѣ, всегда производили пріятное и возбуждающее впечатлѣніе. Особенно оживлялся онъ за хорошо сервированнымъ столомъ и послѣ стакана хорошаго вина (ss. 97—98).

Въ свои молодые годы Кантъ любилъ посѣщать гостиницы (рестораны), гдѣ находилъ себѣ также многихъ собесѣдниковъ. Здѣсь онъ нерѣдко короталъ время за карточной игрою въ ломберъ. Онъ былъ большой поклонникъ этой игры и говорилъ, что она полезна (конечно, въ обществѣ приличныхъ партнеровъ) не только какъ упражненіе ума, но и въ нравственномъ смыслѣ, — какъ упражненіе въ самообладаніи. Дружба съ Гриномъ положила конецъ его увлеченію карточной игрою. Онъ, впрочемъ, еще и раньше при-

явля рѣшеніе прекратить ее, потому что онъ самъ игралъ очень быстро, а медлительность его партнеровъ нагоняла на него скуку. До 63 лѣтъ онъ обѣдалъ обыкновенно въ одномъ отелѣ, гдѣ обѣдали также многіе изъ Кенигсбергскаго общества, особенно военные. Но чаще всего онъ былъ приглашаемъ къ обѣду разными своими знакомыми (Яхманъ даетъ длинный перечень этихъ знакомыхъ;—ss. 98—99). Но на 63 году онъ завелъ свое собственное хозяйство и сталъ самъ собирать у себя небольшое общество своихъ пріятелей. Обыкновенно приглашались къ столу одинъ или двое изъ нихъ; иногда же Кантъ приглашалъ пятерыхъ изъ своихъ друзей, и тогда столъ накрывался на 6 персонъ. До 1794 года (пока Яхманъ оставался въ Кенигсбергѣ) обычными сотрапезниками его были: Гиппель, Іеншъ, Вигилиянцій, Гагенъ, Шеффнеръ, Ринкъ, Краусъ, Першке, Гензихенъ, Руфманъ, Браль, Зоммеръ, Эренботъ, Якоби, Мотерби и Яхманъ 2-й. Это были все люди самыхъ разнообразныхъ профессій и общественныхъ положеній: администраторы, судебные чиновники, военные, купцы, профессора, врачи, священники и т. п. Приходили къ Канту эти его сотрапезники всегда по специальному его приглашенію, которое онъ обыкновенно посылалъ утромъ того самаго дня, на какой приглашалъ извѣстное лицо къ обѣду. Дѣлалъ онъ это изъ особаго рода деликатности: приглашая раньше или вообще на извѣстные дни, онъ могъ бы поставить своихъ друзей въ необходимость отказываться отъ другихъ, можетъ быть, для нихъ болѣе интересныхъ приглашеній. „Ich bleibe gern zuletzt“, любилъ онъ часто говорить по этому поводу. Даже профессору Краусу, обѣдавшему у него каждый день, онъ ежедневно посылалъ особое приглашеніе,—дабы дать ему возможность, если онъ пожелаетъ, отказаться иной разъ. Тѣмъ-же отвѣчали и ему его друзья: напр., Мотерби, у котораго онъ всегда обѣдалъ по воскресеньямъ, обязательно каждый разъ приглашалъ его нарочно (SS. 100—101). Къ своимъ гостямъ онъ былъ необыкновенно внимателенъ: замѣчалъ ихъ любимыя кушанья и намѣренно старался для нихъ заказывать таковыя. Ничто его такъ не радовало, какъ хорошій аппетитъ его гостей (S. 102).

Въ четырнадцатомъ письмѣ сообщается о *наружности и физическихъ свойствахъ* Канта. По своему тѣлосложенію, Кантъ отнюдь не былъ предназначенъ къ тому, чтобы прожить до

80 лѣтъ; но онъ, можно сказать, отвоевалъ у природы себѣ долгую жизнь. Онъ былъ средняго роста, имѣлъ очень большую голову, плоскую, почти впалую грудь, правое плечо нѣсколько подавшееся назадъ. Мускульная сила его была весьма незначительна. Худъ онъ былъ настолько, что одежда держалась на немъ лишь при помощи разныхъ искусственныхъ приспособленій. Насколько слабы были его нервы, видно хотя-бы изъ того, что не просохшій свѣжеотпечатанный листъ газетной бумаги уже вызывалъ у него насморкъ (S. 104). Но, не смотря на слабость груди, голосъ Канта, обыкновенно довольно тихій, въ нужныхъ случаяхъ могъ становится очень громкимъ. Единственно что у него было необыкновенно здорово,—это желудокъ. Appetitъ онъ всегда имѣлъ превосходный. Зрѣніе его было достаточно хорошо, хотя вдали онъ видѣлъ уже слабо; но любопытно, что ни онъ самъ, ни его друзья долгое время не замѣчали, что одинъ глазъ у него почти совсѣмъ пересталъ видѣть (S. 105). Наружность Канта имѣлъ очень пріятную, а въ молодыхъ годахъ былъ даже прямо красивъ;—волосы бѣлокурые, цвѣтъ лица свѣжій, а щеки даже до старости сохранили здоровый румянецъ. Особенно пріятное впечатлѣніе производили его голубые весьма выразительные и симпатичные глаза (ss. 105—107). Не смотря на свою физическую слабость, Кантъ во всю свою долгую жизнь ниразу не былъ боленъ. Это, несомнѣнно, зависѣло отъ его въ высшей степенъ аккуратнаго и гигиеническаго образа жизни. О своемъ здоровьи онъ говорилъ очень охотно и вообще любилъ разные медицинскіе и гигиеническіе разговоры ¹⁾ (S. 107—108).

Пятнадцатое и шестнадцатое письма даютъ описаніе *образа жизни* Канта. Въ своей молодости Кантъ не держался никакихъ опредѣленныхъ діететическихъ правилъ, а жилъ просто такъ, какъ ему было пріятнѣе; но съ годами онъ сталъ болѣе внимательно присматриваться къ разнымъ обстоятельствамъ своей жизни и, сообразно съ ними, вводитъ для себя тѣ или иныя правила. Яхманъ началъ знать его уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда жизнь его уже отлилась въ опре-

¹⁾ Подъ старость страсть къ этимъ разговорамъ въ немъ еще болѣе усилилась, при чемъ онъ нерѣдко высказывалъ довольно своеобразные и даже вадорные естественнаучные взгляды.

дѣленныя формы. Кантъ вставалъ каждый день зимою и лѣтомъ въ 5 часовъ утра. Слуга его точно въ три четверти 5-го стоялъ передъ его постелью и будилъ его, при чемъ не отходилъ до тѣхъ поръ, пока онъ дѣйствительно не вставалъ. Одѣвшись, въ халатѣ и ночномъ колпакѣ, шелъ онъ въ свою рабочую комнату, гдѣ и завтракалъ. Завтракъ его состоялъ изъ 2 чашекъ чая и трубки табаку. Кофе онъ страстно любилъ, но избѣгалъ, по возможности, его пить, считая для себя вреднымъ (ss. 109—111). До 7 часовъ онъ работалъ и обдумывалъ лекцію. Въ 7, переодѣвшись, отправлялся въ аудиторію. Въ 9 ч. онъ снова облачался въ халатъ, колпакъ и туфли и работалъ до $\frac{3}{4}$ перваго ч. Затѣмъ, въ теченіе $\frac{1}{4}$ ч. одѣвался къ столу и ровно въ 1 ч. садился обѣдать. Обѣдъ длился обыкновенно до 4 часовъ, а если бывала большая компанія, то, случалось, и до 6 ч. Послѣ обѣда онъ гулялъ въ теченіе часа. Лѣтомъ ходилъ онъ обыкновенно медленно, чтобы не вспотѣть. Гулять любилъ одинъ, и ему было, замѣтно, непріятно, когда на прогулкѣ кто-л. присоединялся къ нему, хотя-бы даже изъ друзей его. Послѣ прогулки до 10 ч. веч. онъ занимался чтеніемъ, а ровно въ 10 ложился спать (ss. 111—112). Отъ этого порядка Кантъ не отступалъ даже и въ тѣ дни, когда бывалъ въ гостяхъ (тамъ же). Ълъ онъ только одинъ разъ въ день, именно въ обѣдъ, но съ весьма большимъ аппетитомъ. Въ остальную часть дня онъ ничего не употреблялъ кромѣ воды. Его столъ состоялъ обыкновенно изъ трехъ блюдъ, съ прибавленіемъ масла и сыра или (въ лѣтнее время) фруктовъ. Первымъ блюдомъ былъ мясной супъ, по большей части, изъ телятины съ рисомъ, крупкою или вермишелью; второе—рыба или сухіе овощи съ различными прибавленіями; третье—жареное. Горчицу онъ употреблялъ въ большомъ количествѣ почти со всѣми блюдами. Послѣ обѣда любилъ закусить сыромъ. Хлѣбъ предпочиталъ ржаной. Когда у него были гости, то подавалось еще и пирожное. Пилъ онъ только вино (обыкновенно—медокъ) и воду; пива не любилъ (ss. 113—115). Кантъ слылъ среди знавшихъ его людей, особенно среди дамъ, за большого и тонкаго гастронома, которому довольно трудно угодить; но это, повидимому, было простымъ недоразумѣніемъ, порожденнымъ его манерой разговаривать съ дамами о поваренномъ искусствѣ; къ этимъ разговорамъ онъ, впро-

чемъ, имѣлъ не малую склонность и въ другихъ случаяхъ, при чемъ обнаруживалъ весьма детальныя и точныя познанія; а хозяйку дома, гдѣ бывалъ въ гостяхъ, онъ обыкновенно,—повидимому, изъ вѣжливости и любезности,—старался разспросить, какъ приготовлено то или иное кушанье. На этой почвѣ, надо думать, и создалась упомянутая репутація. Справедливаго въ ней было только то, что Кантъ дѣйствительно поѣсть любилъ (ss. 115—116). Изъ другихъ его пристрастій Яхманъ упоминаетъ нюханье табаку, но прибавляетъ, что въ аудиторію онъ съ собой табакерки никогда не бралъ и не любилъ, когда кто-либо изъ его слушателей частыми понюшками раздражалъ его аппетитъ (S. 118). Спалъ онъ обыкновенно въ холодной, нетопленной спальнѣ, а въ своей рабочей комнатѣ всегда поддерживалъ одинаковую температуру, для чего топиться она должна была по термометру (S. 119). Такъ какъ погода оказывала большое вліяніе на его физическое состояніе, то онъ понемногу привыкъ чрезвычайно интересоваться всевозможными метеорологическими приборами,—флюгерами, термометрами, барометрами, гигрометрами,—по нѣскольку разъ въ день справлялся съ ихъ показаніями и могъ дѣлать довольно удачныя предсказанія (тамъ-же). Говоря о его заботахъ касательно своего здоровья и физическаго состоянія, Яхманъ приводитъ одну чрезвычайно любопытную подробность. Ему чрезвычайно хотѣлось дожить, по возможности, до самой глубокой старости. По этому онъ собиралъ свѣдѣнія о всѣхъ наиболѣе долголѣтнихъ Кенигсбергскихъ старикахъ и нерѣдко выражалъ радость, что все менѣе и менѣе остается среди его согражданъ людей старше его. Съ цѣлью опредѣлить вѣроятную продолжительность своей жизни, онъ въ теченіе многихъ лѣтъ добывалъ изъ Кенигсбергской полиціи ежемѣсячную вѣдомость о смертности. Когда его спрашивали о его возрастѣ, онъ всегда считалъ до слѣдующаго 22 апрѣля (день его рожденія)—въ твердой надеждѣ дожить до этого дня (s. 120).

Какъ уже было сказано, въ послѣдніе 17 лѣтъ своей жизни Кантъ имѣлъ свой собственный домъ. Домъ этотъ былъ двухъэтажный съ мезониномъ и состоялъ изъ 8 комнатъ. Въ нижнемъ этажѣ въ одной половинѣ помѣщалась его аудиторія, а въ другой жилище его старой кухарки. Въ

верхнемъ этажѣ въ одной половинѣ были его столовая, библіотека и спальня, а въ другой пріемная и рабочая комната. Въ мезонинѣ жилъ его слуга. Меблировка его комнатъ была въ высшей степени простая. Только въ пріемной и столовой висѣло по зеркалу, а въ остальныхъ комнатахъ стояли только столы, стулья и небольшое канапэ. Бѣлыя стѣны не были ничѣмъ украшены. Въ его кабинетѣ, кромѣ письменнаго стола, были еще комодъ и два стола, заваленныхъ книгами и рукописями. На стѣнѣ висѣлъ портретъ Жанъ Жака Руссо (SS. 121—122).

Заслуживаетъ упоминанія отношеніе Канта къ своему слугѣ Лампе. Пока этотъ Лампе былъ здоровъ и въ силахъ, на немъ лежало завѣдываніе всѣмъ хозяйствомъ. Обыкновенно Кантъ выдавалъ ему съ вечера письменное распоряженіе на будущій день, которое тотъ и долженъ былъ въ точности исполнить. Когда Лампе сдѣлался очень старъ и слабъ, Кантъ уволилъ его на покой, назначивъ ему пожизненную пенсію въ размѣрѣ его годового жалованья. Онъ очень цѣнилъ въ своемъ слугѣ его правдивость, честность и преданность, но не безъ основанія былъ весьма невысокаго мнѣнія о его ограниченномъ умѣ. Каждую мелочь ему надо было сначала показать во всѣхъ подробностяхъ,—какъ ее сдѣлать,—и уже послѣ того Лампе могъ ее исполнять аккуратно съ точностью машины. „Вначалѣ меня, говоритъ Яхманъ, нѣсколько поражалъ тотъ бранчивый и раздражительный тонъ, съ какимъ Кантъ обращался всегда къ своему слугѣ. Но подѣ конецъ я убѣдился, что съ Лампе и нельзя было иначе обращаться, потому что онъ, при всей своей ограниченности, воображалъ однако себя весьма умнымъ человѣкомъ, чрезвычайно гордился, что служилъ у такого великаго философа, и вслѣдствіе этого нерѣдко держалъ себя небрежно и черезчуръ развязно;—строгій тонъ господина и нуженъ былъ, чтобы поставить его въ надлежащія границы“ (SS. 123—124).

Послѣ смерти Канта отъ него осталось состояніе въ 20,000 талеровъ, чему многіе тогда удивлялись. Дѣйствительно, нельзя было не удивляться, если принять во вниманіе, что въ годы своей приватъ-доцентуры онъ едва сводилъ концы съ концами, профессорское жалованье тоже было довольно незначительное, кромѣ того, онъ былъ человѣкъ благотвори-

рительный, да и себѣ самому ни въ чемъ не отказывалъ. Существовало даже предположеніе, котораго долгое время держался и Яхманъ (настоящій біографъ),—будто онъ получилъ нѣкоторое состояніе, потому умноженное собственными сбереженіями, отъ своего друга Грина по духовному завѣщанію. Но младшій Яхманъ (братъ біографа), многіе годы завѣдывавшій денежными дѣлами Канта, положительно утверждаетъ, что его состояніе нажито имъ самимъ, преимущественно въ позднѣйшіе годы его службы, когда онъ сталъ больше получать за свои лекціи и за часто повторявшіяся новыя изданія своихъ сочиненій (SS. 125—126).

Въ семнадцатомъ письмѣ Яхманъ сообщаетъ о своемъ *последнемъ посѣщеніи Канта*, имѣвшемъ мѣсто 1 августа 1803 года. Какъ извѣстно, Кантъ умеръ отъ старческой слабости (маразма). Упомянувъ о томъ волненіи и о тѣхъ чувствахъ, съ какими онъ ѣхалъ на свиданье съ своимъ старымъ учителемъ и другомъ, знаменитымъ философомъ, которымъ привыкъ гордиться, и съ рѣдкимъ по сердцу чело-вѣкомъ, котораго привыкъ любить, нашъ біографъ продолжаетъ: „Представьте-же себѣ мое впечатлѣніе! Едва я вошелъ въ комнату, какъ предо мною поднялся съ своего кресла сгорбленный старикъ и колеблющейся походкой пошелъ мнѣ навстрѣчу. Съ болѣзненно сжавшимся сердцемъ бросился я ему на грудь и запечатлѣлъ на его губахъ мой сыновній поцѣлуй. Я сталъ говорить ему о моей радости, что опять его вижу, а онъ... онъ смотрѣлъ на меня усталымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ и съ дружественной миной спрашивалъ: кто я такой? Мой Кантъ не зналъ меня болѣе!.. Тотчасъ-же попросилъ онъ позволенія сѣсть, такъ какъ стоять ему было трудно, съ своей обычной любезностью заставилъ сѣсть и меня и снова освѣдомился, кто я такой. Я старался напомнить ему различныя обстоятельства моей жизни, несомнѣнно, ему хорошо извѣстныя, но они совершенно изгладились изъ его памяти. Я назвалъ ему различныя важныя событія, въ которыхъ мы оба съ нимъ принимали участіе, но и они не оставили въ его душѣ никакого слѣда. Я напоминалъ ему мѣста и лица, гдѣ и съ которыми мы чаще всего были вмѣстѣ, называлъ поступки, которые онъ самъ совершалъ для меня, но и это не помогало ему вспомнить меня. Больно было видѣть, какъ слабый ста-

рикъ усиливался заглянуть за немного лѣтъ въ прошедшее, чтобы соединить настоящее созерцаніе меня съ своими тогдашними впечатлѣніями, и это однако ему не удавалось. Чтобы не прекращать совершенно разговора, я освѣдомился у него о такихъ его физическихъ обстоятельствахъ, о которыхъ онъ прежде любилъ говорить; ему, видимо, было пріятно, что я вернулъ его въ узкій интимный кругъ его мыслей. Онъ заговорилъ теперь о тѣхъ-же самыхъ вещахъ и тѣми же самыми словами, какія я часто слыхалъ изъ его устъ въ прежнее время; но и при этомъ столь привычномъ для него разговорѣ, мысль его оставалась неподвижна, и онъ не могъ подыскать словъ, чтобы закончить нѣкоторыя начатыя небольшія фразы, такъ что его престарѣлая сестра, сидѣвшая позади его стула и, можетъ быть, уже много разъ слышавшая эти разговоры, подсказывала ему недостающія слова, а онъ потомъ повторялъ за нею. Во время нашего разговора, въ теченіе котораго онъ, не отрываясь, смотрѣлъ на меня, онъ нѣсколько разъ съ выраженіемъ радости восклицалъ: „Вашъ взглядъ дѣлается для меня все болѣе и болѣе знакомымъ!“ Я съ восторгомъ, при этихъ радостныхъ восклицаніяхъ, начиналъ надѣяться, что, можетъ быть, наконецъ, онъ меня и вспомнитъ, но—совершенно напрасно!... Такъ я и ушелъ отъ него, не бывъ имъ узнанъ. Старикъ, видимо, и самъ сознавалъ ослабленіе своей памяти. Когда я съ нимъ прощался, онъ нѣсколько разъ просилъ меня, чтобы я подробно разъяснилъ его сестрѣ, кто я такой, а она, при случаѣ, передастъ ему. Я сдѣлалъ это, и, какъ оказалось, добрая старушка достаточно и сама знала меня въ прежнее время, чтобы, насколько возможно, еще разъ привести меня на память брату. Затѣмъ я обнялъ моего великаго учителя въ послѣдній разъ и простился съ нимъ съ болью на сердцѣ и со слезами на глазахъ“ (SS. 128—131)... Конечно, такой упадокъ силъ и такое одряхлѣніе наступили не сразу. По словамъ Яхмана, первые признаки начали замѣчаться уже лѣтъ за 8 до описываемаго времени. А за 4 года онъ началъ пользоваться записочками, чтобы запомнить посѣщавшихъ его лицъ. Впослѣдствіи въ эти записочки онъ началъ вносить всякую мелочь, которую слышалъ отъ другихъ или которая самому ему приходила въ голову. За 3 года Яхманъ сообщилъ ему о предстоящей перемѣнѣ

въ своемъ служебномъ положеніи; Кантъ долго не могъ понять, въ чемъ будетъ состоять новая должность Яхмана, и послѣдній долженъ былъ продиктовать ему обстоятельную записку на этотъ счетъ (SS. 132—133). Но, судя по тому, что сообщается въ слѣдующемъ письмѣ, особенно рѣзкую форму этотъ упадокъ принялъ сравнительно незадолго до смерти.

Въ послѣднемъ (восемнадцатомъ) письмѣ Яхманъ, со словъ своего друга, одного Кенигсбергскаго врача, бывшаго и къ Канту близкимъ человѣкомъ, нерѣдко посѣщавшаго нашего философа и пользовавшаго его, даетъ описаніе *послѣднихъ дней и смерти* Канта. „Хотя упадокъ силъ, говоритъ этотъ врачъ ¹⁾, и дѣлался замѣтнымъ со дня на день въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, однако вполне и особенно быстро онъ проявился въ послѣдніе мѣсяцы предъ его смертью и сказался одновременно во всѣхъ органахъ—какъ чувствъ, такъ и прочихъ отправленій“ (SS. 133—134). Всегда прекрасно работавшій желудокъ совсѣмъ отказался служить, хотя ему и варить-то стало почти нечего, такъ-какъ вслѣдствіе потери аппетита и вкуса Кантъ почти ничего не ѣлъ. Почти полная потеря зубовъ дѣлала и вообще питаніе крайне затруднительнымъ. А состояніе желудка еще болѣе усиливало это затрудненіе: больной сталъ страдать почти постояннымъ запоромъ. Испытывавшіяся имъ иногда и прежде головныя боли („давленіе на мозгъ“) теперь чрезвычайно усилились. Зрѣніе ослабѣло настолько, что онъ съ трудомъ находилъ возлѣ себя на столѣ ножъ, вилку и пищу. Ко всему этому присоединились старческіе капризы и слабоуміе (SS. 135 и ff)... Незадолго до смерти съ нимъ случился припадокъ (нервный ударъ), длившійся 24 часа (SS. 147—148). Наконецъ, 12 февраля 1804 г. въ 12 часовъ дня благодѣтельная смерть пресѣкла это скорбное существованіе...

(Продолженіе слѣдуетъ).

II. Тихомировъ.

¹⁾ Свое сообщеніе Яхману онъ сдѣлалъ письменно.